

Амаяк Тер-Абрамянц

П И Р П О Б Е Д И Т Е Л Е Й ¹

В это время в одном из парадных залов таллинского замка, в зале, из века в век служившем для торжественных приемов, происходил банкет по случаю окончания работы комиссии МГБ из Москвы, которая уже завтра, если не сегодня ночью, отправится восвояси. Местное начальство предчувствовало радость, наконец можно будет вздохнуть посвободнее после этой сумасшедшей недели беготни, почти непрерывной ночной работы — арестов, нервных допросов, рапортов, мордобоев, выбивания показаний... Конечно же, слово и дело будут продолжаться, но не в таком жутком темпе, когда порой и поспать ночами не удавалось — лишь под утро или днем часа на два-три смыкали глаза доблестные сотрудники органов на месте работы, примостившись на диванчике или уронив голову на письменный стол, с которого уборщицы еще не успели даже оттереть пятна крови и слизи. Генерал Хрипоносов казался в эти героические дни неутомимым: он умудрялся быть одновременно в нескольких местах: и на заседаниях комиссии МГБ, и на Батарее, осматривал камеры, карцеры, лично проводил допросы особенно упорствующих и не желающих признавать свою вину.

Вдоль всего зала тянулся длинный стол, составленный из более мелких, за которым сидели офицеры МГБ, а во главе стола, под портретом вождя меж красных знамен (там до исторического материализма висели гербы города и рыцарские гербы), в инкрустированном дубовом высоком кресле, в котором некогда восседали магистры, короли, епископы, отважные рыцари, бароны и даже сам президент предыдущей Эстонии Константин Пятс, теперь сидел, развалиясь, Хрипоносов. Сияли свисающие с готических сводчатых потолков люстры. Серые колонны в два ряда, идущие через зал с одной и другой стороны длинного стола, были украшены ветвистыми оленьими рогами, головами косуль, лосей, клыкастыми мордами кабанов, мед-

¹ Фрагмент из романа “Шоколадный вождь”.

ведей, рысей, волков, которые искусственными стеклянными глазами тарацились на стол, загроможденный яствами, не снившимися им и в самых сладких звериных снах.

Покрытый белыми скатертями, блистающий серебром, фарфором и хрусталем стол и в самом деле был великолепен, необычен. Лично товарищ Арво Куйстик позаботился о нем, привлекиши к этому мероприятию известного на весь Таллин повара и главного кондитера фабрики «Калев», обслуживавшего в свое время самого Пятса, — Яана Крепса.

Яан был высоченный, худощавый, в отличие от большинства разъехавшихся вширь коллег, мужчина с суровым скуластым эстонским лицом, и Куйстик, стоящий напротив него и дающий указания, казался совсем маленьким.

Яан невозмутимо слушал и время от времени лишь кивал и повторял: «Я-а!.. Я-а!..»¹

— И смотри, чтобы гости остались довольны, чтобы в лучшем виде! Чтобы у гостей очень хорошее впечатление осталось, понял, мужик?

— Я-а! Я-а!

— Если постараться, похлопочу, чтобы тебя представили к награде — дали значок, похвальную грамоту, понял? Я тебе в помощь лучших поваров из «Глории» дам.

— Из «Глории» подойдут, — кивнул Крепс. — Господин Куйстик...

— Какой я тебе господин, — испуганно взорвался Куйстик. — У нас все равны, болван, все — товарищи, понятно, курат тупой? Товарищ Куйстик!

— Извините, товарищ Куйстик.

— Ну?

— Товарищ Куйстик, — вымолвил Яан. — Вы можете быть совершенно спокойны, все будет коррас! В лучшем виде! Я даже особый сюрприз для товарищей из Москвы приготовлю.

— Правильно, вот правильно, а что за сюрприз? — поинтересовался Куйстик.

— Торт сделаем такой, что еще никто не видел! — Яан гордо выпрямился. — Да и награды мне не надо, лучше пусть вам достанется, я для чистого искусства стараюсь.

— Ну, с наградой разберемся — не твоего ума дело. А что еще за торт ты задумал?

¹ Да. (эст.)

- О, это будет маленький сюрприз, а потому позвольте умолчать.
- Какие еще от родного МГБ могут быть секреты, Яан? А ну-ка говори!
- Ну хорошо, только вам скажу, — это будет наподобие наполеона, но особенного секретного рецепта!
- Наполеон, говоришь? — Куйстик подумал. — Буонапартэ? Ну, ладно, смотри, чтоб вкусный был...
- Я-а! Я-а!
- Ну, тогда не теряй времени и вперед к коммунизму! — Куйстик расхохотался, и Яан вежливо улыбнулся.

Окидывая хозяйским оком стол, Куйстик должен был признать, что Яан постарался. Закуски и выпивка были представлены обширно: копченые балтийские угри, распахнувшая свою рыблю плоть копченая камбала, золотистые шпроты, серебристая килька, салака горячего копчения, соленая сельдь, речные сомы, форель, рыбные и мясные заливные с дольками лимона и зеленью, нарезки ветчины и разнообразных, уже не встречающихся в колхозной природе колбас, свежие салаты, пучки зелени — зеленого лука, петрушки, свежие огурцы и помидоры, выращенные в специальных оранжереях, уже недоступные в это время года практически всему населению. Сверкали хрустальные бокалы, фужеры, рюмки, поблескивали стеклом выстроившиеся в ряды бутылки — зеленые с шампанским, красные и кроваво-бордовые с южными виноградными винами и местными настойками, прозрачно-светлые с водкой. За сидящими офицерами стояли молчаливые, готовые в любой момент исполнять желания клиентов, официанты в белых смокингах, с перекинутыми через левую руку салфетками.

Хрипоносов молча потер ладошки.

— Лутсие повара Эстонии сегодня представляют свое искусство, — пояснил сидящий о шуйцу от генерала Куйстик; одесную находилась Ломидзе с азартно блестящими глазами. — Сто претпотситаette: сампань, фотку, фино, настойку? — шепнул он в волосатое ухо Хрипоносова.

— Водки, водки, — каменные губы Хрипоносова дрогнули в улыбке впервые за время командировки, и ему вдруг показалось, что ближайший щерящийся волк на колонне вдруг ему весело подмигнул. — И уберите этих официантов, сами с бутылками справимся. Не люблю, когда много посторонних, особенно когда сзади торчат... У нас, чекистов,

могут быть свои разговоры, государственные, им слушать не положено! Самообслуживание, товарищи! Самообслуживание — не बारे!

Куйстик поманил ближайшего официанта, шепнул ему что-то на ухо, и все официанты вмиг исчезли, будто призраки в колонны всосались.

Куйстик услужливо, и в то же время как бы на правах хозяина, наполнил рюмку Хрипоносову, шепнув: «Первое слово — вам!» — и обернулся было к Ломидзе, однако тот капризно поморщился:

— Предпочитаю кахетинское...

Тут же появилась бутылка красного кахетинского, и близсидящий начальник тюрьмы Озолиньш наполнил бокал Ломидзе. Тут и там захлопали открываемые бутылки шампанского.

Хрипоносов взял прохладную рюмку с жидкостью, будто только что зачерпнутой из реки Леты. Настроение у него было приподнятое, несмотря на бессонные ночи, в результате которых многие офицеры клевали носами в закуску.

Много полезной работы было проделано за эту неделю: уже первый эшелон готовился к отправке на славные стройки социализма, а за ним пойдут и другие! На переплавку! Чтобы растворить этот буржуазный национализм, как и любой другой, в великой всемирной общности! А сколько врагов народа удалось раскрыть! Особенно ему понравилось раскрытое полностью в такой короткий срок дело о таллинских трубочистах, которое пойдет напрямиком на Лубянку. Собственно, непосредственно дело это вел Ломидзе, но все равно руководил он! Ведь до чего додумались, изверги! Вытравить все эстонское коммунистическое правительство, перекрыв печные заслонки в Вышгородском замке! А простым советским гражданам опускать через печные трубы прямо в очаги динамит! Чтобы посеять в городе панику и неверие в силы советской власти! Правда, эти негодяи долго не хотели признаваться, и товарищу Ломидзе пришлось применить особые методы! Все-таки молодец этот Ломидзе, хитер! Он даже вычислил резидента английской разведки, тихого белогвардейца Шулегина, получавшего инструкции от самого Черчилля! Через него посредством каменной трубы трубочисты получали новые указания, даже не зная друг друга в лицо! Да, коварство английской разведки не имеет пределов. Что и говорить, если даже в глухих русских деревнях можно обнаружить ее следы — можно, если захотеть, а кто хочет, тот всегда добьется, кто ищет, тот всегда найдет! А здесь, в портовом городе, и подавно ее эмиссары разгуливали, как у себя дома.

А как замаскировали! Тихий старичок, профессор. А сколько запрещенных книг у него обнаружилось! И в них шифр! Шифр, который раскусил Ломидзе, в котором обнаружались инструкции на десять лет вперед! И вот что интересно, ведь там обнаруживались шифры и от немецкой разведки! И на немцев работал, гад, двойной агент!

О, какое красивое дело! За него либо орден, либо повышение. Только бы этот хитрый Ломидзе не обошел его, простого и честного служаку!

Шулегин — тот сознался быстро, а вот с этими трубочистами пришлось попотеть, даже лично подключиться! Хрипоносов ласково погладил свои сбитые и не успевшие зажить костяшки на кулаках, подул на них — еще щиплет!

Не то чтобы Хрипоносов верил во все эти сочиненные дела. Для него было совершенно безразлично, правдивы они или нет, ибо знал, знал и верил, что все люди изначально виновны перед властью («Кто без греха?» — любил повторять его дед дьякон) — каждый или что-нибудь скрывал, или когда-нибудь что-то не так сказал или подумал. Все изначально виновны, только не до каждого еще дошла очередь. Даже он вынужден скрывать, что его дед был дьяконом, и в анкетах писать — бухгалтер. Но ОН, Вождь, конечно, знает об этом (намекал!), но до поры щадит, прощает, и за эту милость Хрипоносов будет всегда отвечать преданностью и готовностью исполнить любой приказ ЕГО. Да все виновны, кого бы ни взяли! А с него и с его товарищей лишь требовалась удачная постановка спектакля для тех, очередь которых уже наступила... Вот это умение ставить спектакль восхищало и увлекало его!

— Вас первый тост, — снова шепнул на ухо товарищ Куйстик.

— А-а,— Хрипоносов будто очнулся, резко поднялся. — Прошу всех встать!

Загремели дубовые стулья, офицеры-чекисты с бокалами и рюмками в руках встали.

— Та-арици! — возгласил зычно Хрипоносов. — Мы много и полезно поработали... И пусть хоть кто-нибудь попробует бросить в нас камень! Мы работаем, чтобы приблизить светлое будущее человечества — коммунизм! Но мы работаем не одни — с нами всегда наш горячо любимый вождь, Иосиф Виссарионович Сталин! — Хрипоносов развернулся и еще выше приподнял рюмку, глядя на висящий над ним портрет Сталина. Портрет этот, изображающий гладкое холеное лицо кавказского мужчины в расцвете лет, мало походил

на то, которое он видел: усталое, старое, в морщинах и оспинах... но это Матвея Савельича совсем не смущало. Ему казалось, сквозь этот портрет он обращается к тому, живому, которого он видел, и тот, живой, великий, допустивший его до своих морщин и оспин, ростом коротышка, о которых обычному человеку знать не полагалось, слышит его, попыхивает трубочкой и лукаво шуруется. — Да разве без него смогли бы мы продолжить великое дело Ленина!? Сделать счастливыми народы нашей родины? А потому, та-арищи, первый тост за вдохновителя и руководителя наших великих побед, за нашего гениального и горячо любимого Иосифа Виссарионыча Сталина! Ура!

— Ура! — загремело под сводами рыцарского замка. — За Сталина! — Чекисты чокались, опрокидывали в себя рюмки, бокалы, и каждый ревностно и зорко наблюдал за соседями — чтобы пили до дна, «от души», мать их так!

Хрипоносов сел, и сели все, яро принялись за закуски, только уши заходили. Хрипоносов чавкал вовсю, будто показывая всем, всем, всем: мы люди простые, народ — не баре!.. Ломидзе и Куйстик же ели аккуратно, долго прожевывая, не спеша, выбирая ту или иную закуску на столе.

После Хрипоносова выступил Куйстик: он поблагодарил гостей из Москвы «за неопределимую помощь в борьбе», призвал выпить за их здоровье и, в свою очередь, за здоровье великого и гениального Сталина.

— А теперь, — продолжил товарищ Куйстик, вновь вставая, — у нас есть маленький суурприз для костей ис Москвы, так сказать, эстетического характера!

От слов «эстетика», «эстетический» на Хрипоносова всегда веяло чем-то буржуазным, иностранным, да еще что за «сюрприз» без предупреждения? — и рука его невольно дернулась к кобуре. Дохнуло политической провокацией, однако товарищ Куйстик блаженно улыбался, слегка закатив вверх белые глаза и скрестив руки на брюшке, будто предчувствуя великое наслаждение. И тревога генерала оказалась напрасной: из-за крайней колонны на небольшой полукруг перед красными с золотой бахромой знаменами и портретом вождя выпорхнула стайка голоногих пионеров и пионерок — в синих штанишках и юбочках, белых рубашонках и кофточках с алыми галстуками, в алых пилотках. Их подгоняла дебелая белокурая вожатая — переодетая по-пионерски сотрудница спецотдела.

Пионеры выстроились в два ряда — кто пониже вперед, кто повыше позади; перед ними возник пожилой невысокий мужчина с седыми кудрями.

— Дорогие товарищи! — звонко объявила, выскочив вперед, давно выбывшая из школьного возраста лжевожатая. — Сейчас перед вами выступит лучший в Таллине пионерский хор дома культуры имени Лембиту, руководитель Адольф Густавович Сепп, солисты: Лена Либерман и Гена Кучеров! Исполняется украинская народная песня в переводе товарища Исаковского — «Песня о двух соколах»!

Посыпались аплодисменты.

«Вожатая» отступила, вперед вышла невероятно красивая девочка, яркая брюнетка с бледным личиком и огромными голубыми удивленными глазами. Она будто погружала в это удивление весь зал и всех в нем присутствующих...

Хрипоносоз вздрогнул и слегка заерзал, будто под его сидением стали разогревать сковородку.

Адольф Густавович кивнул, и звонкий голос девочки взвился под каменные замковые готические потолки:

*На дубу зеленом
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.*

Из хора решительно выступил рыжий, конопатый толстощекий мальчик и смело подхватил песню:

*А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.*

Адольф Густавович взмахнул руками, как пытающийся взлететь больной лебедь, и вступил хор:

*А кругом летали
Соколята стай...*

Адольф Густавович резко взмахнул руками, будто от чего-то отбиваясь, хор смолк, и вновь пронзительно жалостливо затянула девочка-красавица:

*Ой, как первый сокол
Со вторым прощался.
Он с предсмертным словом
К другу обращался...*

*Сокол ты мой сизый,
— бодро перехватил конопатый, —
Час пришел расстаться,
Все труды-заботы
На тебя ложатся...*

Адольф Густавович замахал теперь особенно, уже как-то поорлиному, и все вместе, и хор, и солисты грянули:

*И сдержал он клятву,
Клятву боевую,
Сделал он счастливой
Всю страну родную!*

Под громкие аплодисменты пионеры и «вожатая» отсалютовали, а Адольф Густавович по-старомодному раскланялся. «Вожатая» быстренько угнала прочь хор вместе с маэстро, чтобы специальным автобусом развезти детей по домам, и застолье продолжилось.

Вставали другие начальники и начальнички, офицеры, пили за Сталина, за Ленина, за коммунизм, за дорогих посланцев из Москвы.

— Просу опраить внимание, этот стол котовил лутсий в Эстонии повар Яан Крепс, и в конце усина на десерт пудетт его литсный суурприз! — шептал в ухо Хрипоносову Куйстик.

Матвей Савельич великодушно и расслабленно кивал:

— Наградим! За хорошую работу советская власть умеет награждать... Грамотой! Особой, в золотой каемочке!

Настала очередь горячего. Вновь, как призраки, возникли официанты, моментально меняя ножи, вилки и пепельницы, унося грязную посуду и внося блюда с горячей дымящейся осетриной, мясом

в сладкой подливе, с печеной картошкой и зеленью. Двое внесли на длинном серебряном блюде испеченного целиком розового поросенка под красной корочкой с проваленными глазками, обложенного картофелем и зеленью, поставили перед членами комиссии рыльцем на Хрипоносова и, повинуясь знаку Куйстика, вновь исчезли.

— Дайте-ка и нам кусочек, кусочек! Нам! Нам!.. — послышалось несмелое со всех сторон, и засверкали ножи.

Хрипоносов встал, отодвинув столовый нож, вытащил из кармана своих широченных синих с красными лампасами галифе складной нож, открыл его и под бодрый восторженный гул вонзил лезвие в спинку поросенка. Куйстик, Ломидзе и Осиновский кинулись кромсать с боков.

Все уже прилично набрались и, чем громче говорили, тем менее слушали и слышали друг друга.

Неожиданно встал малоизвестный капитан и, шатаясь, дерзко прокричал, размахивая длинной рукой, свободной от рюмки.

— Па-прашу внимание!

— Это еще кто? — нахмурился Хрипоносов.

— Капитан Ревякин, — подсказал Куйстик, — недавно из авиации к нам переветен, пывший летсик.

— Товарищи! — закричал Ревякин, поставив на стол рюмку и размахивая ручищами, как ветряная мельница. — Вот перед нами человек, — он бесцеремонно ткнул пальцем на Хрипоносова, обгладывающего косточку поросенка, — вот перед нами человек, который видел самого вождя!

Все замерли — кто в испуге, кто в благоговении, кто из осторожности затаился. Однако, видимо, потерявший всякие тормоза под воздействием жидкости из Леты, капитан продолжал обнажаться.

— Товарищ Хрипоносов, расскажите, а какой он? — Ревякин икнул. — Ведь мало людей, кто в жизни видел... Да таких, как вы, надо в музей, под стеклышко ставить, чтоб пылинка не села! Пионерам показывать, чтоб учились...

Хрипоносов, чувствуя ответственность момента, встал, пошатываясь, и выбросил руку вперед, и все вдруг замерли, затихла болтовня.

— Какой? — Хрипоносов обвел мутным взглядом присутствующих,

— Да, — долбил бывший летчик, — ... вы же счастья такого удостоились видеть, говорить, ну поделитесь!

— Поделиться? — Хрипоносов устремил взгляд куда-то вперед, будто сквозь каменные стены, и вдруг сжал кулак и поднял его вверх.

— Сталин — это о-го-го! Вот что я вам скажу! — потряс он кулаком.

— Этто о-ко-ко... — послушно закивал Куйстик.

— Ого-го... Ого-го!.. Ого-го!.. — смутным гулом и эхом отозвалось среди сидящих. Они понимающе кивали и передавали друг другу снова и снова это открытие: «О-го-го!.. Ого-го! — понятно?.. Понятное дело — ого-го!.. А сказано-то как! Пушкин лучше не скажет! Куда там твой Пушкин!»

— Ясно! — коротко ответил Ревякин, с размаху сел и упал лицом в салат.

— Фу, сига¹! — поморщился Куйстик.

Но теперь уже Ревякин не существовал для Хрипоносова.

— Что я еще могу сказать как соратникам, коммунистам... — еще более нахмурился Хрипоносов, лицо его приобрело несколько печальное выражение. — Между нами, есть у него все-таки один недостаток...

Зал замер, как в остановленной киноплёнке, — в той позе, в которой каждого застала фраза, — вилки и ножи замерли на полпути к лангетам и птице или ртам, жевательные и глотательные рефлексy исчезли, речи оборвались на полуслове.

— Да, — почти горестно подтвердил Хрипоносов, — и я это скажу: **ДОБРЫЙ ОН! СЛИШКОМ ДОБРЫЙ!** Смертную казнь вот отменил на целых три года, еле упростили снова ввести!

«Добрый, добрый, добрый», — закивали бесстрашные сотрудники МГБ. «Добрый! Добрый!» — забубнило, заволновалось, загоношилось вокруг, спеша передать благую весть.

— Он попробовал с ими, как с людьми, — продолжал горестно вещать Хрипоносов, — но разве можно с этой контрой по-человечьи? И он снова ввел! И правильно сделал: собакам собачья смерть!

— Ура! — крикнул кто-то.

— Ура! — поддержали голоса. — Ура товарищу Сталину! — загремело, и кто-то затаил тут же нестройно подхваченную песню: — Выпьем за родину, выпьем за Сталина!.. — Офицеры наполняли фужеры и бокалы водкой и вином, высоко поднимали их, чокались...

«Пора подавать сладкое!» — догадался Куйстик, он привстал, заколотил вилокoй по фарфоровой тарелке, требуя внимания, и все обернулись к нему, а он, сделав знак стоящему за колонной офицеру-распорядителю, закричал:

¹ Свинья. (эст.)

— А теперь суурприз! Суурприз!

Он первым радостно захлопал в ладоши, захлопали и сидящие, требуя, крича: «Сурприз! Давай сурприз!»

«Ишь ты, никак это они у буржуев ловко научились,— удивлялся про себя Хрипоносов, смотря на разносящих десерт — торты и фрукты — официантов.

И тут под аплодисменты два официанта внесли на серебряном блюде что-то, накрытое белым колпаком из вуали, и поставили перед Хрипоносовым.

— Суурприз! Суурприз! — похлопывал ладошками товарищ Куйстик, а официанты, сняв вуаль с блюда, быстро исчезли.

Не все сразу сообразили, что произошло, однако близ сидящие первыми заметили, что выражение лиц членов комиссии начало стремительно изменяться: с лица товарища Куйстика исчезла благостная улыбка, светлые глаза округлились, лицо стало тестоватым, потерявшим всякое выражение, рот приоткрылся, как у ребенка, впервые увидевшего что-то необъяснимое. Ладонки еще сделали по инерции пару хлопков и застыли. Глаза товарища Хрипоносова сначала округлились, потом стали проваливаться меж мясистых век, уподобляясь глазницам испеченного поросенка, и он стал медленно вставать. Осиновский и Ломидзе как-то сжались, будто готовясь к броску.

А Хрипоносов вставал медленно, и глазки его превратились в колющие гвоздики.

То, что предстало пред ним, было необъяснимо.

Посреди широкого, политого глазурью бисквита с кремовыми розочками по краям и выписанным шоколадными вензелями словом «Ленин» стоял бюст Ленина — великого учителя великого вождя. Бюст как бюст — средних размеров, подобно тем, которые наряду с бюстом его гениального ученика миллионами продавались в магазинах от Балтики до Тихого Океана, от Ледовитого Океана до жаркой туркменской Кушки. Почти ничем он не отличался от миллионов своих гипсовых и бронзовых копий, если бы не цвет — светло-коричневый: он был из молочного шоколада! Мастерство Яана Крепса, мастера шоколадной фабрики «Калев» было явлено в нем во всем безукоризненном совершенстве.

Но не мастерство так поразило генерала. В сознании Матвея Савельича происходил сложный психофизиологический процесс с вовлечением и первой, и второй сигнальных систем, так блестяще описанных

академиком Павловым, взаимодействие нервных клеток и структур во всех их бесчисленных связях. Итог этих процессов, однако, интегрировался в определенных и конкретных ощущениях и образах...

Если первый вождь советского государства, о котором только что пели им пионеры, был из шоколада, то это было превращением священного образа в пищу с последующей для всякой пищи судьбой — разрезании по кусочкам, проглатывании, переваривании и с конечным (о, это было невыносимо представить!) самым низменным этапом — неизбежном освобождении от нее, — а значит, предельным уничтожением и уничтожением!

Наконец генерал Матвей Савельич Хрипоносов выпрямился во весь свой короткий росток.

— Эт-то что? — тыкал он вилкой в шоколадный бюст. — Это что? Вож-ждя резать? ЖРАТЬ?!. Как... как людоеды?!

Тут глаза его покраснели от ярости, он откинул вилку, рука полезла к кобуре.

— Ах вы, суки! — завопил он неожиданно бабьим высоким и пронзительным голосом. Рука с пистолетом взметнулась вверх, прогремел выстрел, и пуля завизжала, завыла, рикошетируя о готические своды и колонны, и доблестные сотрудники МГБ, кроме крепко спящего капитана Ревякина, лежащего щекой в салате, ринулись под стол, как это и полагалось по инструкциям при обстреле. Но на руке генерала тут же повисли Ломидзе и Осиновский, заставив его опустить оружие, силой усадили на место.

Маленькие красные глазки Хрипоносова метались, как у затравленного вепря.

— Товарищи! — возопил он. — Произошла чудовищная провокация, враг проник в помещение! Всем усилить бдительность!

Что-то надо было предпринимать, что-то приказывать, сотрудники МГБ быстро, как ни в чем ни бывало, вновь занимали свои места на дубовых стульях, и их лица были устремлены к нему в ожидании.

Хрипоносов некоторое время потрясенно молчал, и в установившейся моментально тишине было лишь слышно, как сладко прихрапывает Ревякин. Однако кто-то пхнул его в бок, и он тут же проснулся, дико вращая глазами:

— Уже? Взлет?.. — однако, получив еще один толчок, замолк.

Взгляд Хрипоносова скользнул по сидящим за столом и остановился на Куйстике. Тот, предчувствуя недоброе, сжался.

— Эт-то твой суурприз? — невольно перешел на эстонский акцент Хрипоносов.

Куйстик, только выпучив глаза, молча замотал головой и схватился ладошками за виски, изображая своим видом предельный немой ужас.

Взгляд Хрипоносова снова переместился на бюст. Если его нельзя съесть, то как провокацию, унижающую образ вождя, следовало немедленно уничтожить. Но это было бы равносильно отдаванию приказа одновременно уничтожить и образ вождя! Этого он тоже себе позволить не мог! О, какая изощренная провокация, в любом случае из двух делающая его, Хрипоносова, политическим отступником! «И оставить нельзя, и уничтожить нельзя! И оставить нельзя, и уничтожить нельзя!» — металось из угла в угол в квадратном черепе Матвея Савельича. Казалось, ситуация была безвыходной. Но Хрипоносов недаром дослужился до генерала, и, как уже бывало, его спас необычайно развитый инстинкт самосохранения, шепнувший в этот момент: «Беги! Беги отсюда со всех ног и никогда сюда не возвращайся!» Хрипоносов резко встал:

— Всем оставаться на местах и сохранять спокойствие, а вас, товарищ Куйстик, попрошу выйти со мной на минуточку!

Ломидзе и Осиновский увязались за ними.

Они очутились на площадке перед входом в зал, к которой вела мраморная лестница.

Выйдя из зала, Хрипоносов резко развернулся и схватил за ворот идущего позади него товарища Куйстика, едва на него не наткнувшегося.

— Ты, курва чухонская, меня подставил? — мелькнул кулак, но на руке генерала сразу повисли Ломидзе и Осиновский.

— Товарищ генерал! — кричал Ломидзе. — Кадры! Кадры надо беречь!

— Кадры, говорите? — опустил руку Хрипоносов, с ненавистью глядя на Куйстика.

— Товарищ генераал! — возопил Куйстик. — Меня нельзя битьть!

— Это почему же тебя нельзя бить? — искренне изумился Хрипоносов.

— Эт-то нелогитсно!

— Нелогично, говоришь? — красные глазки Хрипоносова сузились, и он теперь еще более походил на затравленного вепря. — А вот я диалектику тебе покажу! — И кулак генерала снова было взметнулся, но был остановлен Ломидзе и Осиновским.

— Да что вы пристали, — пытаюсь стряхнуть с себя сотоварищей, рычал Хрипонос, — не видите: враг народа!

— Я не есть враг народа, — выпрямился и осмелел Куйстик, увидев поддержку. — Но я вам могу указать, кто есть враг — это проклятый кондитер. Яан Крепс! Он и меня обманул! И я с польшим удовольствием преподнесу вам его голову на серебряном блюде — та, на серебряном блюде!

— Немедленно! — Хрипонос уже взял себя в руки. — Немедленно арестовать — и ко мне! Только целого, невредимого... Я научу его кулинарии, как делать бифштекс с кровью! Здесь пахнет заговором!

Куйстик бросился исполнять приказ, а доблестная комиссия, ведомая генералом, заспешила вниз по устланной красным ковром мраморной лестнице прочь, прочь, прочь... на улицу Лай, в МГБ Эстонии, куда должны были доставить преступника.

Присутствующие в зале офицеры, почуяв неладное, продолжали томиться еще некоторое время в ожидании приказа начальства. Кто медленно прожевывал пищу, смотря куда-то вдаль и будто не замечая соседей, кто постукивал ножом о тарелку, кто как бы невзначай наполнял себе лишнюю рюмочку...

— Та-арищи! — вдруг резко встал пробудившийся снова Ревякин. — Предлагаю выпить за сталинских соколов! Которые летают... Которым я был... Соколом недавно был я... — Губы и язык его едва не выпалили всегда готовое к употреблению «б..!», но бывший летчик зашнулся, почуяв неуместность обыденного стиля на столь торжественном мероприятии, в присутствии столь высоких особ, и нахмурился, держа перед собой рюмку. Ему вдруг захотелось душу раскрыть, как рубаху на груди рвануть, рассказать всем этим бумагоедам, как он про себя их называл, о многом, чего они не испытали: о небе, о небе, которое ему то и дело снилось после того, как его списала из-за контузии проклятущая еврейская медкомиссия, об ощущении рук на штурвале, ощущении власти над стихией! Он хотел говорить и говорить, но на пути его мысли огромной каменюкой лежало слово «б..», не давая ей протолкнуться дальше, отделяя от моря слов великого и могучего языка. И не объехать было это «б..» ни справа, ни слева, не перескочить...

Но тут в зал быстро вошел заместитель Арво Куйстика подполковник Нечаенко и скомандовал:

— Сми-ирна!

Все встали, стараясь в меру сил после выпитого удерживать себя в как можно более вертикальном положении.

— Товарищи офицеры! — объявил Нечаенко. — Московская комиссия срочно отбыла расследовать важное антигосударственное преступление. Поступили сведения, что рука коварного врага достигла и этого зала — пища, которую вы употребляли, может быть отравлена!

Про отравленную пищу, как наиболее удобный повод прервать ставший бессмысленным банкет, Нечаенко сообразил на ходу, в последнюю минуту, и это ему самому как-то очень понравилось, но он не мог и представить себе, какие это вызовет последствия.

— Отравлена! Отравлена! Отравлена! — забормотало, забубнило, зашептало вокруг...

— Прошу сохранять спокойствие и организованно покинуть зал!

— Отравлена! Отравлена! Отравлена!.. — Офицеры, сокрушая стулья, бросились к выходам, чтобы быстрее добраться до умывальника и туалета, где можно было бы поскорее освободиться от съеденного. Смешались звезды: офицеры в узких проходах отпихивали друг друга, невзирая на чины и должности

— Товарищи! Товарищи! — напрасно кричал Нечаенко. — Сохраняйте спокойствие и порядок!

— Отравлена! Отравлена! Точно, отравлена!.. — жужжало вокруг.

Ревякин упал и больше не пытался встать — конечно, это уже началось действие яда!..

— Врача! — раздался истошный вопль. — Здесь гибнут люди!

